

Украденная юность

В Славутичской городской общественной организации "Центр развития сообщества" проходило очередное мероприятие проекта "Старость меня дома не застанет!". Отмечали Международный день человека пожилого возраста. Многим присутствующим вручили грамоты и цветы. Была тут и молодежь — ученики старших классов.

А когда эксперт проекта Татьяна Сергиенко объявила: "А сейчас выступит Мария Степановна Дедух и расскажет, как ее почти ребенком нацисты угнали в Германию на изнурительные работы", зал замер. Ведь мало уже осталось людей, которые могут поведать, как их забирали в Германию во время Второй мировой войны.

Леонид КУПРИЙ,
ветеран труда, отличник
народного образования

После мероприятия я подошел к Марии Степановне, взял номер телефона, сказав, что хочу встретиться, чтобы она мне более подробно рассказала о тех чудовищных годах, которые переживал и я, но в других условиях.

Родилась Мария Степановна Дедух в 1926 году в Житомирской области, в деревне Яжберень Народищенского района.

В 1940 году окончила на то время семилетнюю школу. А в 1941 году, как поется в песне "Синий платочек": "Ты на перроне, я у вагона. Ты мне помашешь рукой..."

Началась страшная Великая Отечественная война.

Мужчины ушли на фронт. Урожай начали собирать дети да женщины со старушками.

Маленькая Мария не разгибала спины на поле. А вскоре явились и непрошенные гости — фашистские войска.

Марию совсем юной девочкой забрали в Германию на самые трудные и изнурительные работы. "Великой Германии" нужна была бесплатная рабочая сила.

Молодежь в 16—17 лет загнали в "телятники", забили двери и без воды и пищи поезд взял направление на Запад.

В вагоне начался плач и причитания. Отобранных у мам и пап детей везли в забитых вагонах для перевозки скота, а куда, никто не знал. Но было ясно, что не к теще

на блины. По приезду в город Кельн их вывели из вагонов и не покормив, отправили на комиссию.

А потом — в маленькую и неуютную баню. Тут Мария опекала себе грудь и поэтому попала не на завод, а к хозяину, которого звали Юзеф.

Утром Мария должна была вставать не позже 5 часов утра — готовить завтрак и убирать комнаты. Так просто сказать — убирать. Большой дом хозяйки насчитывал 22, комнаты и все должно блестеть, а еще была работа на огороде.

Из дома хозяйка никуда не отпускала ни на шаг, только на огород.

Работал у хозяйки и немец Гейт. Он больше ухаживал за лошадьми, машинами. Он настаивал, чтобы Марию отпускали гулять в город. Ведь она же хоть редко должна общаться со своими ровесниками.

У Юзефа было 7 сыновей. Два были на фронте. Один офицер ударил из плена из Житомирской области и, узнав, что это родина Марии, стал иногда заговаривать с ней. Он часто намекал, что наш народ покорить не так-то просто.

Со второго этажа Мария смотрела в окошко, где был кинотеатр. Она видела, как прохаживаются пары. А она — как птичка в клетке. Смотрела и непрерывно плакала, вспоминая свое родное село, родителей. Слезы не давали ей ничего делать. Но успокаивала себя тем, что не одна она такая. А что делается на фронте?!

И вот пришла радость. Марию все же отпустили погулять, но не позднее как до 18 часов, так как

должна убирать все после ужина.

Возле кинотеатра встретила двух девочек, русскую Аню и белорусскую Марию.

Пошли в кино, разговорились, повели Марию есть мороженое, и она опоздала на полчаса. С ней пошли ее провести и девочки. Хозяин схватил Марию за грудь и закричал: "Русиш швайн!"

А девочки, не боясь, закричали ему в лицо: "Дойче швайн!"

Мария знала, что кушать ей не дадут, но хозяйка была добрее своего мужа и принесла ей картофель с морковкой.

Работая в саду, Мария ничего не могла и попробовать. Если собираешь малину и хоть одну ягоду возьмешь в рот — расстрел на месте. Два мальчика по соседству взяли по яблоку и их тут же повесили. Такие нечеловеческие, неписанные законы были у немцев по отношению к поработанным детям.

"А теперь, — сказали девочки при очередной встрече, — поедем в Илюшепарк. Это в 12 км от Кельна. Дай нам, Мария, слово, вернее клятву, что не скажешь никому ничего, что слышала от нас". Мария стала на колени и дала клятву, что ничего не скажет. Ведь она же комсомолка. Стояло много полиции, но они как бы не заметили их и пропустили. На том месте, куда привели Марию, собирались украинцы и русские. Девочки поведали Марии, что они из подпольной организации, действовавшей в Кельне. Тут она и узнала, какие города освободили советские войска. С восторгом восприняла, что освобожден и родной город Житомир. Девчата дали ей много денег, чтобы она раздала по 2 марки каждому рабочему фабрики. И больше она этих девчат не видела.

До Кельна не доходила война. И немцы, местные жители, ходили с поднятыми головами и говорили:

"Ну что, русиш швайн, работайте! Ведь мы вас победим!"

А вскоре спесь сошла с их лиц. Англо-американская авиация все чаще бомбила город. И Мария стала видеть слезы на глазах жителей, которые хоронили детей и родных после налетов союзной авиации. Теперь война дошла и сюда...

Хозяин заявил рабочим в открытую, что, когда американцы будут занимать Кельн, он собственноручно их всех расстреляет.

Иногда Марию вывозили на работу на поле — работать с другими ребятами. Недалеко было озеро. Армады союзной авиации налетали на озеро и непрерывно бомбили его, бомбы летели в воду. А рабочих вроде никто и не видел. Хозяин на вопрос "Зачем бомбят воду?" ничего не говорил. Но через некоторое время сказал, что под озером немецкий танковый завод.

Когда американские войска подходили к Кельну, Мария, боясь расплаты хозяина, с несколькими девочками решила бежать. В лесу жили у хозяина, который прятал наших людей. Избегая постов полиции и жандармерии, Мария с подругами попала к одному из хозяев в лесу. Месяц жили у него.

Американцы все ближе подходили к городу. Девчат отправили за Рейн гнать скот. Мария дорогой упала, сильно ушибла ногу и закричала: "Добейте меня, я не могу идти!". Ее увезли в какой-то лагерь, где она и находилась до освобождения.

Американцы после освобождения хорошо их кормили, относились к ним вежливо, но все время вербовали их в Америку. Наши самолеты бросали листовки: "Бывшие узники! Не вздумайте ехать в Америку. Там вас снова ждет рабство и дома проституция".

К Марии приходили три раза. Она твердо заявила: "Никакая Аме-

рика мне не нужна! Я хочу домой, на Украину". — "Домой?! — говорили ей. — А ты знаешь, что такое войска НКВД? Вот как зажмут пальцы в двери, что ты была в Германии, будешь знать..." Увидев, что от нее ничего не добьешься, оставили в покое.

Всех их переправили за реку Эльба, где произошла встреча советских и американских солдат. Там-то она и увидела наших. Вместе они обнимались, целовались и плакали навзрыд. Ведь пройден длинный путь от 1942 до 1945 года.

Потом их привезли за какую-то небольшую речку, и они стали как бы солдатами. Убирали от гильз и снарядов железнодорожное полотно, трассу.

Вот здесь и выступала наша знаменитая певица Лидия Русланова, которая спела свою знаменитую песню "Валенки". Слушая ее, плакали все. Она навеяла воспоминания о доме, о родных.

А далее шли на родину: по 100 км в три дня, голодные и холодные. Но сердце радовалось, скоро родина и родной дом. В каком-то городке погрузили в вагоны по 75 человек в каждом. А колеса отсчитывали радостное — "домой, домой, домой!"

Когда переступила порог своего дома, упала, потеряв сознание.

"А что ждало дома? Мама не показывала целую неделю похоронки на брата и отца, — Мария Степановна вытирает очередную набравшую слезу, — нас называли немецкими подстилками, нас проклинали".

Но все со временем сгладились, когда узнали настоящую правду о плене.

"Что нас могло ожидать дальше? — спрашивает себя Мария Степановна, — разруха, голодовка 1947 года".

Работала звеньевой, дояркой, принимала молоко у колхозников.

В 55 лет ушла на пенсию, и ей первой дали 42 рубля пенсии вместо 28.

Получали картошку, сахар. Держали хозяйство, корову и поросенка. Жить ставало легче.

Сейчас она выступает перед молодежью. Рассказывает молодому поколению о тех страшных днях, которые довелось пережить. Но и сейчас она не расстается с шуткой. А глаза ее горят и светятся искринками радуги. Живите, Мария Степановна, нам на радость!

